

Серия «История»
2025. Т. 52. С. 50–57
Онлайн-доступ к журналу:
<http://izvestiahist.isu.ru/ru>

ИЗВЕСТИЯ
Иркутского
государственного
университета

Научная статья

УДК 94(520)

<https://doi.org/10.26516/2222-9124.2025.52.50>

Япония в восприятии немецких военнопленных Первой мировой войны (1914–1918 гг.)

С. И. Кузнецов*

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия
Университет Хоккайдо, г. Саппоро, Япония

Аннотация. Рассматривается пребывание немецких военнопленных Первой мировой войны в Японии (1914–1918 гг.). Показаны особенности взаимовосприятия военнопленных и местных жителей, социальная адаптация военнопленных в Японии.

Ключевые слова: военнопленные германской армии в Японии, Первая мировая война, Циндао, лагеря военнопленных в Японии, Бандо, Токусима. Взаимоотношения с местным населением, адаптация военнопленных.

Для цитирования: Кузнецов С. И. Япония в восприятии немецких военнопленных Первой мировой войны (1914–1918 гг.) // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2025. Т. 52. С. 50–57. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2025.52.50>

Original article

Japan in the Perception of German Prisoners of First World War (1914–1918)

S. I. Kuznetsov*

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation
Hokkaido University, Sapporo, Japan

Abstract. The article is devoted to the stay of German prisoners of war of World War I in Japan (1914–1918). The features of mutual perception of prisoners of war and local residents, social adaptation of prisoners of war in Japan are shown.

Keywords: Prisoners of war of the German army in Japan, World War I, Qingdao, Prisoner of war camps in Japan, Bando, Tokushima. Relations with the local population, adaptation of prisoners of war.

For citation: Kuznetsov S.I. Japan in the Perception of German Prisoners of First World War (1914–1918). *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2025, vol. 52, pp. 50–57. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2025.52.50> (in Russian)

Интернирование военнопленных, длительное удержание их в лагере военнопленных на территории противника создают для них неожиданную возможность наблюдать за жизнью незнакомой прежде страны. Многих военнопленных это обстоятельство подтолкнуло к написанию воспоминаний или дневников, а кто-то знания о стране пребывания смог использовать в

© Кузнецов С. И., 2025

*Полные сведения об авторе см. на последней странице статьи.
For complete information about the author, see the last page of the article.

будущей профессиональной деятельности. Одним из наиболее известных примеров таких наблюдений стали записки капитана В. М. Головнина, побывавшего в плену у японцев в 1811–1813 гг. и опубликовавшего их в 1816 г.

Во время Первой мировой войны в Японии оказалось более четырех тысяч военнопленных немецкой армии – немцев, австрийцев, чехов и поляков. Их история оказалась весьма интересной, хотя, как писал один из бывших военнопленных Курт Мейснер, «история немцев в Японии никогда не содержала большой драматургии» [4, р. 1]. Япония была предметом интересов немецкого купечества. Уже в 60-е гг. XIX в. здесь, в Нагасаки и Йокогаме, обосновались 10 представительств немецких торговых фирм. Позже сюда направились немецкие ученые, журналисты, дипломаты, а после реставрации Мэйдзи – военные, инженеры, финансисты, предприниматели. К началу XX столетия в Японии постоянно проживало достаточно много немцев. Сразу после того как стало известно об объявлении войны, в первых числах августа 1914 г. 118 немецких резервистов и добровольцев отправились из Японии в Циндао. Там они встретились с резервистами и добровольцами, хлынувшими сюда со всех концов Китая, из Владивостока, с Филиппин и т. д., в это единственное место, доступное для немцев, проживавших в Восточной Азии.

Когда немцы покидали Японию, японский народ еще не думал о войне с Германией и многие японцы прощались с уходящими немцами на вокзале в Кобе, как со своими солдатами. Но, поскольку Япония в то время была союзником Англии, Германии вскоре был выдвинут японский ультиматум. Немецкая колония в Китае – Циндао была осаждена японскими и английскими войсками и после трехмесячной осады пала. Осада и бомбардировки крепости продолжались до 7 ноября. Утром 7 ноября комендант крепости А. Майер-Вальдек отдал приказ выбросить белый флаг. Участник обороны К. Мейснер позже писал в мемуарах: «Капрал Вальтер взял “белый флаг” (обыкновенную простыню), и мы вместе вышли на улицу. Мы ждали там, пока японцы проложат путь через наши проволочные заграждения. Подошел генерал-лейтенант Камио Мицуоми (командующий союзными войсками. – С. К.). Позади него шел солдат с хризантемой, другой солдат нес мертвого кролика. Я сказал: «Вот наша 6-я рота в блиндаже. Я добился разрешения, чтобы нашим офицерам разрешили поехать в город за багажом... Вскоре нас погрузили на корабль “Сацума-мару”. Спустя некоторое время мы прибыли в гавань Такахама, откуда отправились в Мацуяма. Там нас разместили в Кокайдо – двухэтажном здании в саду. Все комнаты в нем были застланы татами. Здесь мы прожили около двух лет» [5, р. 82–83].

Среди источников, проливающих свет на восприятие военнопленными Японии, следует назвать уже упоминавшиеся воспоминания Курта Мейснера. В Японии Мейснер оказался еще в 1906 г., приехав сюда на работу в одно из представительств немецких фирм. За 8 лет жизни в стране он достаточно хорошо изучил японский язык, что позволило ему, уже будучи военнопленным, опубликовать несколько учебников японского разговорного языка, а также многочисленные эссе по истории и культуре Восточной Азии. Другими источниками являются газеты военнопленных, которые они издавали в

лагере. Известно по крайней мере три таких газеты – *Lagerfeuer* в лагере Мацуяма, *Die Baracke* в лагере Бандо и *Tokushima Anzeiger* в лагере Токусима. Были еще журналы «Отчет о лагере Ниносима» и «Интеллектуалы Кородаи». Первая из названных газет была вскоре закрыта по требованию начальника лагеря, две другие выходили достаточно долго, и их материалы в оцифрованном виде (*Tokushima Anzeiger*) или переизданном в виде объемистой книги (*Die Baracke*) сохранились до настоящего времени. Некоторые подробности о деятельности этих газет были опубликованы сравнительно недавно в одном из журналов [1]. Жизнь военнопленных Первой мировой войны имеет довольно значительную историографию: исследования по этой теме вышли в Японии, Германии, Англии. Работы Г. Вейланда, Ч. Бердика и У. Моснер, Р. Джексона, С. Баркофа, Оцуру Ацуси, Сэто Такэхико и др. подробно описывают ход осады Циндао и обстоятельства пленения немецкого гарнизона, структуру лагерной системы в Японии, внутреннюю жизнь лагеря, материальное обеспечение военнопленных, их труд, занятия в свободное время, сохранение исторической памяти о событиях 1914–1920 гг. и т. д. При этом взаимовосприятие военнопленных и местных жителей освещено значительно меньше.

За несколько рейсов японские корабли «Сацума мару», «Фукудзю мару», «Индо мару» доставили военнопленных на юг Японии. Последний корабль «Дайто мару» с 566 военнопленными из Циндао прибыл в порт Хиросима 18 ноября 1914 г. Отсюда они были распределены по 12 специальным лагерям военнопленных, расположенным главным образом в южной и западной частях Японии: Токио (ноябрь 1914 – сентябрь 1915), Сидзуока (ноябрь 1914 – август 1915), Нагоя (ноябрь 1914 – сентябрь 1915), Осака (ноябрь 1914 – февраль 1917), Химэдзи (ноябрь 1914 – сентябрь 1915), Токусима (декабрь 1914 – апрель 1917), Маругамэ (ноябрь 1914 – апрель 1917), Мацуяма (ноябрь 1914 – апрель 1917), Фукуока (ноябрь 1914 – апрель 1917), Курумэ (ноябрь 1914 – март 1915), Оита (ноябрь 1914 – август 1918), Кумамото (ноябрь 1914 – июнь 1915) [8, с. 82–83]. Позже с началом репатриации лагеря объединялись и меняли дислокацию, и в конечном итоге их осталось 6 (Нарасино, Нагоя, Аоногаха, Бандо, Ниносима и Курумэ). Они закрылись в январе 1920 г., когда последний военнопленный покинул Японию. Один из японских исследователей плена Сайгами Токио писал, что «прибытие военнопленных в Японию доставило много хлопот местным властям, однако был прецедент – опыт лагерей военнопленных Русско-японской войны 1904–1905 гг.» [9, с. 123]. Военнопленных размещали в храмах и других относительно просторных помещениях. Например, в Мацуяма немцы жили в храмах Дайрин-дзи, Дзёфуку-дзи, Футо-дзи, Тёкэн-дзи, Коган-дзи и др. При этом за пользование помещением взималась арендная плата – 40 сен за татами. При этом десятью годами ранее за русских военнопленных храмам платили по 17 сен за татами. Перед прибытием военнопленных при храмах были построены туалеты и помещения для умывания. Исследователь отмечает, что значительная часть средств, полученных за аренду, была использована для ремонта храмов после отъезда военнопленных. В частности, для замены татами, так как немцы, не знакомые с местными обычаями, заходили на татами

в обуви [9, с. 125]. Немцам казалось неприятным и неудобным ходить по та-тами без обуви. С другой стороны, их очень удивляло обычное для японского жилища отсутствие какой-либо мебели. Знающий Японию Курт Мейснер разъяснял своим товарищам, как следует открывать сёдзи – японские перегородки, заменяющие в помещении двери, сдвигая их вбок, но не толкая от себя [Там же, с. 144]. С местными ресторанами были заключены контракты на поставку питания для военнопленных из расчета 30 сен на человека в день, при этом питание японского солдата обходилось в 17 сен в день [Там же, с. 125]. Новостью о прибытии военнопленных из Циндао поделилась местная газета «Дзимото симбун», сообщив, что в Мацуюма прибывают необычные гости, и подчеркнув, что город уже имеет опыт размещения военнопленных (имелись в виду русские военнопленные 1904–1905 гг.). Газета также сообщала об оживлении в среде местных торговцев, с радостью ожидающих заметного увеличения прибылей за счет прибывших военнопленных. Оживление царило также среди рикш, которые даже обратились в местную полицию с просьбой устроить для них парковку вблизи лагеря военнопленных, а владельцы сдаваемых в аренду домов срочно занялись ремонтом, предполагая сдавать помещения немецким офицерам [Там же, с. 125–126]. Среди взятых в плен и интернированных в Японию более 4600 военнопленных оказались и часть тех 118 немцев, которые прежде проживали в Японии. Япония была им хорошо знакома, многие могли говорить по-японски, и адаптироваться к новым условиям им не пришлось. Что касается основной массы военнопленных, то они оставались в лагере более 6 лет и за это время достаточно хорошо узнали страну, многие учили язык, познакомились с обычаями и культурными традициями японцев.

Следует отметить ряд обстоятельств, которые повлияли на взаимовосприятие пленных немцев и местных жителей в Японии.

Часть немецких военнопленных достаточно длительное время проживали в Китае и имели, следовательно, практику взаимоотношений с дальневосточными народами; Япония их в чем-то удивила, но в целом они достаточно спокойно относились к восточной экзотике. Среди немецких военнопленных было несколько человек, которые продолжительное время прожили в Японии, знали язык, культуру и обычаи этой страны. К ним относились уже названный Курт Мейснер, несколько офицеров и солдат. Заметим, что для обороны Циндао были призваны немцы не только из Японии, но и из Северного Китая (380 чел.), Южного Китая (460 чел.). В самом Циндао ранее проживали 3505 немцев, интернированных в Японию. Если они и не знали Японии, то были в какой-то мере знакомы с традициями Восточной Азии [Там же, с. 126].

Значительное количество военнопленных, особенно бывших резервистов, имели профессию и занимались каким-либо ремеслом или предпринимательской деятельностью в Циндао. Свои знания, умения и предприимчивость они постарались применить и в Японии. Среди них были пекари, колбасники, печатники, механики, фотографы, учителя и др. Они сменили лишь одну восточную страну на другую, а созерцать японскую экзотику им было недосуг. Курт Мейснер пишет: «Поскольку немцы не могли годами бездей-

ствовать, они работали в неволе, это было их естественное состояние, как если бы они ходили в школу, так что в конечном итоге свободного времени уже ни у кого не оставалось. Над немцами словно нависла обреченность: что бы ни происходило и что бы они ни делали, все для них заканчивается обычной работой» [4, р. 73].

Наблюдателями, которые зафиксировали какую-то информацию о Японии, были в основном образованные военнопленные из числа офицеров. Все они отмечали обычные черты японцев – вежливость, взаимоуважение, отсутствие открытых конфликтов, высокий уровень гигиены и др. Многие военнопленные начали изучать японский язык. Преподавателями были немецкие офицеры, до войны жившие в Японии. В лагере Мацуяма прапорщик Мерелл и другие военнопленные учились японскому языку у капитана Штеккеля. Они разучивали японские песни, выписывали японские газеты. Интересно, что по требованию лагерных властей они должны были носить нарукавную повязку с надписью «знающий японский язык». Проводя регистрацию 415 военнопленных, прибывших в Мацуяма, начальник лагеря Маэкава и его офицеры с удивлением отметили, что абсолютно все они оказались грамотными, 170 из них окончили начальную, а 245 – неполную среднюю школу [9, с. 135, 164].

Взаимоотношения с местным населением были достаточно мирными, не отмечены какие-то столкновения. Лишь некоторое недовольство было вызвано, когда военнопленных временно поселили в буддийском храме. Местное население восприняло прибытие военнопленных с любопытством: «В маленькой приморской деревне Сиюдзима прибытие военнопленных вызвало настоящий ажиотаж. Более 200 местных жителей собрались у причала, еле сдерживаемые цепью полицейских и солдат. Говорят, такого не было со времен прибытия русских военнопленных в эти края десятью годами ранее» [Там же, с. 132]. Если местными жителями руководило любопытство и желание увидеть иностранцев, то местные предприниматели видели в них потенциальных покупателей и клиентов. В Минато-мати, который в 1905 г. назывался «русским городом», открылись магазины антиквариата и кимоно в расчете на немецких покупателей. Предполагалось возобновить паромное сообщение во Внутреннем японском море, памятуя о том, что русские военнопленные часто пользовались им, совершая экскурсии в музеи и театры [Там же, с. 126]. Японцы с удивлением наблюдали, как военнопленные, помещенные в лагере Мацуяма, по утрам выходили строем на физзарядку, весело размахивали руками и ногами, по временам выкрикивая какие-то странные слова, потом тщательно умывались, причесывались и орошали себя одеколоном [Там же, с. 143]. Исследователи отмечают, что общее отношение к военнопленным было сочувственное, как это было и с русскими пленными войны 1904–1905 гг. Стремясь наладить дружеские отношения между военнопленными и местными жителями, общество «Мацуяма Ринсикай» устроило велосипедные соревнования между японскими и немецкими спортсменами [Там же, с. 152].

Режим содержания военнопленных был достаточно мягким (он не шел ни в какое сравнение с немецкими лагерями в Европе). Япония, присоединившись к международной конвенции о жертвах войны, стремилась показать себя исключительно цивилизованным государством, строго выполняющим взятые обязательства. Как отмечали современники, к военнопленным относились не как к заключенным, а скорее как к туристам – они могли совершать экскурсии, посещали рестораны, с видимым удовольствием попивая пиво и sake [7, с. 40]. Другим свидетельством относительно благополучного существования в лагере была низкая смертность среди военнопленных. За весь срок нахождения в плену в Японии умерло 86 военнопленных [Там же, с. 78]. Главной причиной смертности военнопленных в 1918 г. была пандемия испанки. В частности, в лагере Нарасино умерло 30 военнопленных, которые были похоронены на воинском кладбище Фунабаси в Нарасино. Как пишет в своих мемуарах Курт Мейснер, «лагерь продемонстрировал, насколько хорошо немцы сумели бороться с обычной лагерной скукой и бездельем. Дошло до того, что свободного времени в конце концов ни у кого не осталось. Лекции, музыка, профессиональные занятия, такие как переплетное дело, участие в работе походной типографии, посещения ресторанов и баров (летом в столовой новая бочка пива каждые две минуты), карточные игры, спорт, театр и т. д., а также уроки на многих языках (не только японском, но и английском и французском), математика, физика и даже бухгалтерский учет!» [5, р. 85]. Некоторые военнопленные начали писать воспоминания о событиях в Циндао. Когда в лагере Бандо начала издаваться газета, они получили возможность публиковать свои записи. Газета *Die Wagacke* помещала стихи, рассказы и эссе военнопленных, рисунки, а также новости и разнообразную информацию. Например, 27-й выпуск газеты включал поздравление с Пасхой, эссе о японской повседневной жизни, очерк «Сельское хозяйство и птицеводство военнопленных», информацию о концерте Токусимского оркестра военнопленных, новости с фронта с приложением карты военных действий и другую разнообразную познавательного и развлекательного характера [3, р. 3–28]. Интерес для военнопленных представляли очерки по истории, культуре и об обычаях Японии. «Барак» публиковал и настоящие научные статьи, например, 28 июля 1918 г. вышла статья «Доменные печи и сталелитейные заводы Японии», 25 августа 1918 г. – обширная статья о соляных копиях на острове Сикоку [Там же, р. 533], а 1 сентября 1918 г. – статья по геологическому описанию Южной Японии [Там же, р. 554–561]. Выпускник Лейпцигского университета подпоручик Зоргель и лейтенант Грабо из лагеря Курумэ подготовили описание осады Циндао [9, с. 148].

Японские власти в рамках программы модернизации страны всячески приветствовали активность военнопленных, их работу на производстве или в мастерских, их предпринимательскую, просветительскую и культурную деятельность, что позволяло местным жителям знакомиться, например, с европейской музыкой (немцы организовали несколько оркестров). В документе «Тезисы доклада директора Бюро по военным делам на собрании начальни-

ков лагерей военнопленных», опубликованном в октябре 1916 г., говорилось: «Ввиду необходимости привлечения военнопленных к трудовой деятельности... способы трудоустройства за пределами лагерей пленных, чьи способности могут быть использованы для развития производства в Японии, в 1915 году были представлены на совещании заместителей министров, и каждое из министерств утвердило места, способы работы и ее оплату, а также надзора за военнопленными...» [4, р. 75]. Труд военнопленных, привлекавшихся к работам, оплачивался. Для низших чинов это был хороший способ подзаработать и при этом получить определенную свободу вне лагеря. Изредка они выполняли строительные работы, но чаще всего осуществляли техническое руководство. Руководили они в самых разных производственных отраслях (доение, производство кетчупа, выпечка хлеба, производство колбасных изделий, установка бойлера на машиностроительном заводе, техническое руководство в компании, производящей резину и т. д.). Впоследствии после освобождения из плена некоторые из них остались на тех же местах работы и получали баснословную для Японии заработную плату – более 300 иен в месяц [Там же, р. 75]. При опросе военнопленных, поступивших в лагерь Мацуяма, выяснилось, что среди них оказались представители 125 профессий, в том числе 167 чел. прежде работали на промышленных предприятиях, 167 – в сельском хозяйстве, 185 были госслужащими, а 161 – работники интеллектуальной сферы (учителя, преподаватели вузов, люди творческих профессий и др.) [9, с. 166]. Было разумно использовать этот потенциал. В результате поддержки японских властей, например, в деревне Хигасиямада бакалавр сельскохозяйственных наук Шмидт руководил сельхозработами на площади 400 кв. метров, местный округ отрядил к нему троих учеников и выдал субсидии в 100 иен [Там же, с. 171]. Занимавшийся в Германии животноводством военнопленный Шлейтер устроил молочную ферму в 16 голов скота, при этом увеличив надой с 16 до 90 литров, научил японцев производить сливки, масло и йогурт [Там же, с. 173].

Из почти 4700 немецких военнопленных, интернированных в Японию в 1914 г., 47 бывших солдат и офицеров связали свою последующую жизнь с Японией. Многие из них женились на японках, другие поступили на работу в японские компании. Кроме Курта Мейснера только двое сумели написать и издать воспоминания об осаде Циндао и интернировании в Японию. Это бывший солдат морской пехоты 3-го батальона Йоган Барт [2] и бывший начальник разведотдела штаба в Циндао Вальдемар Воллертун [6].

Таким образом, история военнопленных периода Первой мировой войны, интернированных в Японию в 1914–1918 гг., дает разнообразный материал о взаимоотношениях военнопленных с местным населением южной части Японии, а также их адаптации в этой стране.

Список литературы

1. Кузнецов С. И. Газеты военнопленных Первой мировой войны в Японии (1914–1918 гг.) // Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20, № 2. С. 141–151.
2. Barth Johannes. Tsingtau Tagebuch. Tokyo : OAG, 1985. 43 p.

3. *Die Baracke. Zeitung für das Kriegsge – Fangenenlager Bando, Japan. Band 2. Neu Transkribierte Ausgabe.* Naruto, 2001. 683 p.
4. *Meißner Kurt. Deutsche in Japan 1639–1960.* Tokyo : Deutsche Gesellschaft, 1961. 108 p.
5. *Meißner Kurt. Sechzig Jahre in Japan.* Hamburg : Verlagsbuchbinderei Ladsteller, 1973. 269 p.
6. Vollerthun Waldemar. *Der Kampf um Tsingtau. Eine Episode aus dem Weltkrieg 1914/1918 nach Tagebuchblättern.* S. Hirzel, Leipzig 1920. 200 p.
7. *Оцуру Ацуси.* Аоногахара фурё сюёдзё-но сэкай (Мир лагеря военнопленных Аоногахара). Токио, Ямакава, 2007. 141 с. 青野原俘虜收容所の世界 : 第一次世界大戦とオーストリア捕虜兵 / 大津留厚, 藤原龍雄, 福島幸宏著
8. Сэто Такэхико. Тинтао кара кита хэйситати (Солдаты прибывшие из Циндао). Токио : Догакуся, 2006. 195 с. 青島(チンタオ)から来た兵士たち—第一次大戦とドイツ兵俘虜の実像/瀬戸 武彦.
9. Токио Саигами. Мацуяма сюёдзё: хорё то нихондзин (Лагерь Мацуяма: военнопленные и японцы) Токио : Тюо Коронся, 1969. 189 с. 松山收容所 捕虜と日本人東京 論中, 論論社.

References

1. Kuznetsov S.I. *Gazety voennoplennykh Pervoj mirovoj vojny v Yaponii (1914–1918 gg.)* [Newspapers from World War I prisoners of war in Japan (1914-1918)]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologij* [Reports of the Laboratory of Ancient Technologies], 2024, vol. 20, no 2, pp. 141-151. (in Russian)
2. Barth Johannes. *Tsingdau Tagebuch.* Tokyo, OAG, 1985, 43 p.
3. *Die Baracke. Zeitung für das Kriegsge – Fangenenlager Bando, Japan. Band 2. Neu Transkribierte Ausgabe.* Naruto, 2001, 683 p.
4. *Meißner Kurt. Deutsche in Japan 1639–1960.* Tokyo, Deutsche Gesellschaft, 1961, 108 p.
5. *Meißner Kurt. Sechzig Jahre in Japan.* Hambur, Verlagsbuchbinderei Ladsteller, 1973, 269 p.
6. Vollerthun Waldemar. *Der Kampf um Tsingtau. Eine Episode aus dem Weltkrieg 1914/1918 nach Tagebuchblättern.* S. Hirzel, Leipzig 1920, 200 p.
7. *Ocuru Acusi. Aonogakhara furyo syuyodzyo-no sehkaj (Mir lagerya voennoplennykh Aonogakhara)* [The World of the POW Camp]. Tokio, Yamakava, 2007, 141 s. (in Japanese)
8. *Sehto Takekhkiko. Tintao kara kita khehjsitati (Soldaty pribyvshie iz Cindao)* [The Soldiers arrived from Qingdao]. Tokio, Dogakusya, 2006, 195 s. (in Japanese)
9. *Tokio Saigami. Macuyama syuyodzyo: khoryo to nikhondzin (Lager' Macuyama: voennoplennye i yaponcy)* [The Matsuyama POW's Camp: POW and Japanese] Tokio, Tyuo Koronsya, 1969, 189 s. (in Japanese)

Сведения об авторе

Кузнецов Сергей Ильич
 доктор исторических наук, профессор,
 заведующий, кафедра мировой истории и
 международных отношений
 Иркутский государственный университет
 Россия, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
 e-mail: s.kuznetsov@mail.ru
 профессор
 Университет Хоккайдо
 Япония, г. Саппоро
 e-mail: sergey.kuznetsov@hokudai.oia.ac.jp

Information about the author

Kuznetsov Sergey Ilyich
 Doctor of Sciences (History), Professor,
 Head, Department of World History and
 International Relations
 Irkutsk State University
 1, K. Marx st., Irkutsk, 664003,
 Russian Federation
 e-mail: s.kuznetsov@mail.ru
 Professor
 Hokkaido University
 Sapporo, Japan
 e-mail: sergey.kuznetsov@hokudai.oia.ac.jp